

ГЛАВА I. Психологические метаморфозы лидеров

Естественная жажда власти со стороны правительства подкреплена потребностью в подчинении и индифферентности со стороны масс. Развитие демократической олигархии ускоряется благодаря универсальным свойствам человеческой природы. То, что начинается в силу организационных, административных и стратегических потребностей, завершается благодаря психологическим потребностям.

Среднестатистический лидер рабочей партии в вопросах морали превосходит среднестатистических лидеров других партий. С этим соглашались даже непримиримые противники социализма[295]. Однако продолжительное управление массами влияет на моральное поведение руководителей самым неблагоприятным образом. Возможно, с определенного момента это и неплохо. Возможно, едкое замечание Лабрюйера, адресованное высокопоставленным лицам двора Людовика XIV, можно переадресовать и высокопоставленным лицам крупных демократических движений современности: преклонение и страсть к подражанию, свойственная массам, превратилась бы в слепое идолопоклонничество, если бы им взбрело в голову быть приличными людьми[296].

Можно предположить, что в большинстве случаев начинающий руководитель твердо убежден в правильности принципов, которые он проповедует. Ле Бон справедливо замечает: «Вожак обыкновенно сначала сам был в числе тех, кого ведут; он так же был загипнотизирован идеей, апостолом которой сделался впоследствии»[297]. Руководитель возвышается над массами, частью которых он когда-то был и сам, не осознавая и не задумываясь, куда приведет его это интуитивное движение, без корыстных мотивов. Он, вероятно, лучше других сумел распознать всеобщую цель, страстно ею проникся благодаря усилию своей могучей воли, личной энергии и глубокому альтруизму[298]. Это применимо по большей части к тем, кому не приходится противостоять соблазнам привлекательных должностей в крупных партийных организациях, к тем, кто создает партию своими силами. Но даже там, где жесткая партийная организация уже существует с самого начала, руководители не пускаются в погоню за личными интересами.

Не каждый «слуга масс» стал им по доброй воле. На французском эту мысль передать куда проще: *pas chaque arrive etait d'abord un arriviste*. Но тот, кто уже достиг власти, не захочет возвращаться к своему прежнему положению подвластного[299].

Вместе с осознанием власти приходит и тщеславие, властные черты – иногда достойные, иногда дурные – таятся внутри каждого человека[300]. Это элементарный психологический факт. Здесь сходятся и его осознание собственной значимости[301], и осознание потребности масс в предводителе, в результате в руководителе просыпается

властелин[302]. Любая человеческая воля стремится расширять границы собственного влияния. Каждый, кто добился власти, как правило, будет стремиться к тому, чтобы упрочить и усовершенствовать ее, непрерывно окружать себя новыми и новыми бастионами, избегать господства и контроля со стороны масс. Основатель социал-анархизма Михаил Бакунин полагал, что власть превращает любого защитника свободы в тирана[303]. Хорошо известно, что власть существенно меняет характер тех, кто сумел ее добиться. Очень точно об этом пишет выдающийся знаток человеческой природы Альфонс Доде: «Достаточно быстро, если речь идет о политике, наша природа проявляет свои худшие стороны, энтузиазм превращается в лицемерие, красноречие – в злобу и заблуждение, скептицизм – в мошенничество, тяга к свету – в жажду наживы и роскоши, общительность и желание угодить становятся слабостью»[304].

Если руководители не были хорошо обеспечены с рождения или не имели других стабильных источников дохода, они в силу экономических причин прочно занимают свои посты. Они срastaются с ними не только эмпирически и духовно, но и материально. Это хорошо заметно в кругах бывших рабочих: их авторитет – авторитет предводителей рабочего класса. Для них потерять свой пост – значит разориться. А вернуться к прежнему статусу, от которого они избавились, в большинстве случаев невозможно (ср. ч. IV, гл. 5). Они уже не смогут ориентироваться в прежней среде, однажды насладившись привилегиями и блеском своего маленького владычества. Они уже забыли технику своего ремесла[305]. Агитационная работа – теперь единственное, на что они способны[306]. На их руках зажили все мозоли, теперь их только изредка сводит писательская судорога.

Перебежчики из буржуазных кругов совершенно истощены. Когда они вступили в ряды организованных рабочих, они были молоды, жизнерадостны и полны сил. Вскоре они стали руководителями. Но их обычная жизнь, несмотря на все привилегии, становилась все напряженнее и труднее. Как и любой карьерный путь, по обочинам которого растут лавровые деревья, путь к политической власти расшатывает нервы. Они рано стареют. Теперь новоиспеченные лидеры стали так же далеки от своей профессии, как раньше были далеки от политической карьеры. Адвокат ничего не теряет, с головой погрузившись в партийную работу: прения играют важную роль в любой политической борьбе, страсть к произнесению речей и рассуждениям, сила его легких и любовь к красивым жестам не только остаются при нем, но и приумножаются. Но деятелей науки политика губит. Величайшие ученые, занимавшиеся активной партийной деятельностью – в роли журналистов, агитаторов или депутатов, – со временем теряют все свои навыки, погибают для научной деятельности, так как поглощены политической рутинной, на научные изыскания и углубление знаний у них уже не остается времени.

Но у психических трансформаций, которые с течением времени происходят с партийными руководителями, есть и другие причины.

Когда речь заходит о буржуазных перебежчиках, то этих руководителей рабочих партий к пролетариату приводят этика, энтузиазм или наука (ср. ч. IV, гл. 2). С молодеватым рвением, преисполненные оптимизма, когда их взор еще ясен, они предпочитают с разбега перемахнуть через серьезные проблемы, требующие логического осмысления, вместо того чтобы обстоятельно их обдумать и разрешить. Бурно и с натиском они, вчерашние студенты

и гимназисты, только снявшие школьную форму, переходят Рубикон. Затем они, находясь по другую сторону баррикад, сражаются и действуют, переживают поражения и радуются победам. Они становятся лидерами врагов того класса, в котором они выросли и были воспитаны. Их юность остается позади. На службе партии или на службе идеала они безвозвратно растрачивают свои лучшие годы. Звучат первые такты длинной увертюры к их старости. Но вместе с юностью улетучиваются и идеалы. Они растворяются в тяготах ежедневной борьбы из-за новоприобретенного опыта, который противоречит их старым убеждениям. Так многие руководители на деле оказываются отчуждены от основных социалистических принципов. Отчасти они сражаются только со своим скептицизмом, отчасти – осознанно или нет – стремятся к идеалам своей (несоциалистической) юности.

Но избавившись от иллюзий лидерам закрыта обратная дорога. Они уже не могут «сменить род деятельности». Их прошлое сковывает их как снаружи, так и изнутри. Семья, которой они обзавелись по пути, требует хлеба. Их добрая слава в политических кругах требует идти дальше. Внешне они остаются верны своему делу, во имя которого в свое время пожертвовали лучшим, что у них было. Но идеалисты превращаются в оппортунистов, верующие – в неверующих, альтруисты, чьи мысли были заняты только тем, чтобы отдавать, – в эгоистов, поступки которых определяет ясный и холодный расчет.

Мы знали: эти люди присоединились к партии не ради того, чтобы стать ее руководителями. Ими движет только самоотверженность и боевой задор. Но в силу их отчасти врожденного, отчасти приобретенного превосходства они становятся лидерами масс. Они испытывают на себе все искушения власти ничуть не меньше, чем их соратники, которые пришли к социализму из тщеславия и с самого начала стремились завоевать власть, воспринимая массы как инструмент для достижения собственных целей.

Безусловно, большое значение имеют и межличностные различия. Разные люди по-разному реагируют на одни и те же обстоятельства. В недвусмысленных эротических ситуациях поведение женщины или девушки определяется ее внутренней чувственной возбудимостью и нравственным воспитанием – чистая демивьерж или блудница. Подобным же образом и индивидуальные свойства партийного руководителя, если они приобретены со временем, а не присущи ему с рождения, проявляются в самых разнообразных формах [307]. Чувство пресыщения, которое сопровождает каждого, кто добился своей цели, проявляется в разной степени. То же и со способностью адаптироваться к новым антидемократическим условиям или условиям, которые противоречат их идеалам. Существуют социалисты, которые так запуганы своим окружением, что боятся произносить вслух слова «классовая борьба» или «коллективизм», несмотря на то, что обязаны им своим нынешним положением [308]. В то же время среди их товарищей есть те, кто в любых жизненных обстоятельствах сохраняет нужный темп и смелость убеждений, кто не подвластен никакому закону. Молодой итальянский философ Преццолини неразумно предположил, что депутат не может сохранить чистоту своих социалистических убеждений в условиях парламента, как Иосиф не может сохранить целомудрие, отправившись в бордель [309]. Подобное утверждение в корне ложно хотя бы потому, что здесь, как и в любых других социальных процессах, важную роль играют не только обстоятельства, но и особенности личности. Однако точно известно, что в процессе превращения подчиненного в младшего руководителя, а младшего – в старшего в сознании личности происходит серьезная эволюция, которая зачастую

граничит с полной трансформацией[310] . В собственном преображении лидер видит отражение трансформаций окружающего мира. Времена изменились и требуют новой тактики, новой теории. Зрелости времени должна соответствовать и зрелость суждений. В силу психологической необходимости объяснить и оправдать изменения в поведении власти внутри международной социал-демократии возникает немалая доля ревизионистских и реформистских течений. Лидер итальянского клерикализма заверил, что предпочтение необходимо отдать победоносному ревизионизму – как раз из-за его прогрессивного и законного характера, – а не вертикали синдикализма: «Главная суть социалистического ревизионизма, без сомнения, заключается в древнем материалистском представлении о человеческой природе и истории. Оно сталкивается со скептицизмом и эпикурейством ни во что не верящей буржуазии и становится еще хуже: как будто ревизионизм противоречит духу христианства еще сильнее, чем революционная непримиримость синдикализма»[311] . В этих словах заключена суть проблемы. Если предположить, что ревизионизм предстает формой здравого протеста против априоризма и является научно обоснованной реакцией на навязчивую крикливость псевдореволюционности, то вместе с тем нельзя отрицать его логическую и причинно-следственную связь с непомерным высокомерием упадничества буржуазии. Ревизионизм – зачастую лишь теоретическое выражение скепсиса и разочарования уставших людей, больше-не-верующих, это социализм несоциалистов с социалистическим прошлым.

Особенно сильное влияние на душевное состояние партийных лидеров оказывает стремительный переход из оппозиции в публичную власть. Очевидно, что в периоды гонений и запретов со стороны государства и общества партийное руководство сохраняет свои благородные этические принципы, ведь в этих условиях эгоистичные и тщеславные руководители предпочитают держаться от власти подальше[312]. Мирные времена, в свою очередь, значительно снижают уровень морали среди партийного руководства. Это применимо не только к старым, привыкшим к мраку руководителям, качества которых в свете правительственной милости если не терпят поражения и не становятся потерянными для дел пролетариата, то уж точно меняются и отдаляются от масс. Но этот закон работает и в случае с молодыми руководителями, которые возникают только в свете партии. До тех пор пока вести борьбу на стороне угнетенных означает не снимать с головы терновый венец, буржуа, примкнувшие к рядам социалистов, будут вынуждены выполнять работу, требующую полной самоотверженности. Они могут стать опасными для социализма, только если современное рабочее движение начнет скрывать свои принципы и встанет на скользкий путь политики компромиссов. Слова Бебеля, адресованные Жоресу на международном конгрессе в Амстердаме, попали в самую точку: «Если социалистическая партия решит связаться с буржуазией и заняться совместной политикой, она не только потеряет своих лучших борцов и превратится в анархию или откровенную чепуху, но ей придется идти по пятам за толпой буржуа и их сомнительными убеждениями[313]. В Италии в период гонений наблюдатели из научных кругов высоко оценили моральные качества партийного руководства. Стоило только Итальянской социал-демократической партии повернуться в сторону существующего правительства (ок. 1900), как со всех сторон посыпались упреки в низком качестве работы партии. Причиной было множество привлеченных со стороны новых партийных членов, которые, как оказалось, используют партию лишь как ступень на пути к публичной власти [314]. Если в распоряжении социал-демократов оказываются муниципалитеты, народные банки или потребительские кооперативы, то значительная часть их руководства непременно окажется эгоистами и

НЕВЕЖДАМИ.

Версия #1

Зверобой создал 19 января 2026 23:50:20

Зверобой обновил 19 января 2026 23:50:33